

Образовательные траектории трёх российских поколений: от дошкольной подготовки к профессиональному образованию¹

Д.М. ЛОГИНОВ, кандидат экономических наук.

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

ORCID0000-0002-2717-6909

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

Аннотация. В статье исследуются образовательные стратегии трёх постсоветских поколений России. Выделены группы («реформенное поколение», «миллениалы» и «цифровое поколение»), которые имеют ряд схожих черт, формирующих социальные нормы, но также и ряд различий, что позволяет провести сравнительный анализ их образовательных траекторий. Исследование охватывает цикл от дошкольной подготовки до получения первого профессионального образования. Выявлено, что российские поколения демонстрируют устойчивый тренд на максимизацию образовательного потенциала, начиная уже с дошкольного этапа. Показано, что представители наиболее молодого поколения и их родители проходят школьную ступень с большим уровнем вовлечённости в формирование знаний и умений, практически применимых при переходе к следующему уровню образования; социальные связи, значимые для успешного перехода, при этом постепенно теряют актуальность. Полученные данные позволяют предполагать формирование тенденции на включение среднего профессионального образования в состав успешных образовательных траекторий. Рассмотрение межпоколенческих различий в профессионализации иллюстрирует «новый взгляд» самого молодого из поколений на успешное трудоустройство, которое в существенно большей степени связывается со сферой государственного управления и силовыми структурами. Анализ базируется на данных анкетного социологического опроса 1600 представителей выделенных поколений, проведённого Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС в 2019 г.

Ключевые слова: образовательные траектории; непрерывное образование; поколения; молодёжь; уровни образования; общее образование; профессиональное образование; карьера; дошкольное образование

Постановка проблемы

Отслеживание поколенческих изменений в образовательных стратегиях относится к важным вопросам формирования политики и экономики образования, значимость которых ещё более

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

повышается при изменениях социально-экономического контекста. Особенно актуальным исследование изменений моделей образовательного поведения становится в связи с тем значением, которое приобретает человеческий капитал в глобальном и национальном развитии. Ставшая классической теория человеческого капитала (см., например [Becker, 1964; Плискевич, 2012; Авраамова, Логинов, 2014; Баранов, Слепенкова, 2018; Широ, Потапенко, 2018]) позволяет анализировать накапливаемый образовательный потенциал с точки зрения возможностей достижения сравнительно высоких конкурентных позиций, при этом весомость приобретают не только формальный уровень образования, но и его качественные характеристики.

Возможность рассмотрения различных ступеней подготовки в рамках единой образовательной траектории исходит из концепции образования в течение всей жизни (life-long learning). В рамках данной концепции (см., например [Lassnigg, 2005; Константиновский, Вахштайн, Куракин, 2007; Шувалова, 2010; Горшков, Ключарев, 2011; Laal, 2012]) каждая стадия образовательной подготовки рассматривается как составная часть единой системы непрерывного образования, от дошкольного учреждения к профессиональному образованию и дальнейшему развитию навыков.

Подходы к описанию и сопоставлению поколений были сформулированы Карлом Мангеймом [Мангейм, 1998], исследовавшим биографии представителей возрастных групп и определившим, что их общность выражается не только соответствием возрастным границам, но и особенностями исторического контекста. Теория поколений нашла развитие в работе Н. Штрауса и У. Хоува [Strauss, Howe, 2009], которые рассматривали США как цепь сменяющих друг друга поколений, вносящих новые модели социально-экономического поведения.

В отечественной исследовательской практике изучению поколений посвящены многочисленные работы, в рамках которых раскрываются устойчивость черт и установок «простого советского человека» [Советский простой человек..., 1993], межпоколенческие различия по широкому набору социальных индикаторов [Радаев, 2018], представления молодёжного поколения о механизмах социального устройства и вертикальной мобильности [Авраамова, 2017]. Молодые поколения россиян

рассматриваются с учётом социально-экономического контекста в период «формирующего возраста», при этом в молодёжных поколенческих когортах вырабатываются общие характерные черты, в том числе ориентация на индивидуально значимые ценности [Шереги, 2013].

В отечественной науке накоплен значительный опыт изучения молодёжи на ключевых отрезках жизненного пути, показывающий, что выстраивание образовательных и карьерных траекторий происходит под влиянием комплекса факторов, включающих как внутренние установки, так и внешние обстоятельства во всём их многообразии. Начиная со второй половины XX века исследования этой проблемы проводились В. Н. Шубкиным [Шубкин, 1970; Шубкин, 1979]. В масштабных работах Д. Л. Константиновского рассматриваются представления и стратегии молодёжи в сфере образования в динамике десятилетий и в новой экономической реальности 1990-х, выявляются социально-экономические факторы дифференциации доступности перспективных образовательных траекторий [Константиновский, 1999; Константиновский 2000]. Ресурсы, основания и выбор стратегий образовательного поведения продолжают оставаться в поле исследовательского интереса и в последние годы [Рощина, 2012; Константиновский, Попова, 2016; Константиновский, Попова, 2017; Чердниченко, 2017].

Отслеживание изменений образовательных моделей в формате поколений представляется важным аспектом исследований ситуации и качественной динамики в образовательной сфере. Предлагаемая классификация постсоветских поколенческих групп основана на разграничении, учитывающем различия, во-первых, социально-экономического контекста, задающего внешние требования к уровню и качеству образования, во-вторых, информационного контекста, определяющего возможности накопления и использования образовательного ресурса. На этой основе выделены три российских поколения, формирующий возраст которых (определяемый нами этапом окончания школы) пришёлся на различные социально-экономические периоды:

1) «реформенное поколение» (1973–1978 г.р.) – люди, закончившие школу в период начала трансформационных процессов

и экономического кризиса, когда новые технологические возможности ещё не нашли массового распространения (1990–1993 гг.);

2) «миллениалы» (1983–1988 г.р.), для которых формирующий возраст соотносился с периодом оформления институциональной системы и экономического роста, а также массового распространения персональных компьютеров и интернета (1998–2002 гг.);

3) «цифровое поколение» (1990–1996 г.р.) – молодёжь, сформировавшаяся в период, с одной стороны, экономической стагнации, с другой – массового распространения мобильных цифровых технологий (2009–2012 гг.).

Эмпирической базой выявления и описания моделей образовательного поведения стали данные оригинального исследования, проведённого при участии автора Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС в 2019 г. с использованием специально разработанного инструментария. Социологический опрос в форме анкетирования проведён среди работающих представителей каждого поколения (цифровое поколение, миллениалы, реформенное поколение), имеющих высшее или среднее профессиональное образование, отобранных в соответствии с многоступенчатой стратифицированной выборкой. Исследование осуществлено в трёх регионах России, выбранных с учётом характеристик их социально-экономического развития и географического положения: город Москва, Свердловская область, Ивановская область. Для каждого из них были подготовлены выборочные совокупности в соответствии с распределением населения по возрасту, уровню образования и сфере деятельности. Общий объём выборочной совокупности составил 1600 респондентов, в выборку, дифференцированную по гендерным группам, уровням образования и сферам занятости, вошли жители десяти городов – столицы России, областных центров, средних и малых городских поселений.

Дошкольное образование

Как показало исследование, посещение детских дошкольных организаций стало социальной нормой ещё в период, предшествующий реформенному поколению (табл. 1). Доля посещавших детские сады среди этого поколения и следующего за ним (миллениалов) превышает 90%. Однако

в цифровом поколении соответствующий показатель снизился, хотя и незначительно. О том, станет ли это устойчивой тенденцией, судить ещё рано, но предпосылкой её формирования может служить уменьшение доли работающих женщин в некоторых социальных группах.

Таблица 1. Посещение детского сада, по поколенческим группам, %

Посещение детского сада	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Посещали	91,4	91,4	88,4	90,0
Не посещали	8,6	8,6	11,6	10,0

Посещение детских дошкольных организаций можно рассматривать как социальную норму ещё и потому, что доля их посещавших во всех постсоветских поколениях практически не зависит от уровня образования родителей.

Однако в том, что касается специализированных дошкольных занятий, выявлены достаточно существенные поколенческие различия (табл. 2). Так, среди представителей цифрового поколения значительно бóльшую распространённость имело посещение различных подготовительных занятий к школе, а также существенно чаще (особенно в сравнении с реформенным поколением) отмечались занятия иностранным языком.

Таблица 2. Посещение дошкольных занятий, по поколенческим группам, % (допускалось более одного ответа)

Вид дошкольного занятия	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Кружки (танцы, рисование и пр.), спортивные секции	54,0	62,9	59,2	58,9
Групповые занятия по подготовке к школе	14,1	17,2	29,1	21,9
Занятия с репетиторами по подготовке к школе	2,9	5,2	7,8	5,8
Занятия музыкой	16,1	18,8	16,8	17,2
Занятия иностранным языком	8,2	11,6	15,9	12,7

Заметные поколенческие различия имеются и в части результатов дошкольного образования. Налицо существенное продвижение двух последних поколений (цифрового и миллениалов) по всем выделенным показателям (табл. 3).

Таблица 3. Результаты предшкольной подготовки, по поколенческим группам, % (допускалось более одного ответа)

Результат предшкольной подготовки	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Знали буквы	78,5	86,2	87,7	84,9
Умели читать	62,4	65,5	68,3	66,0
Умели считать до 10	67,8	68,5	72,8	70,3
Умели считать до 100	20,4	21,6	23,7	22,2
Знали иностранные слова	12,0	19,6	20,1	17,8

Рассматривая интегральный показатель, отражающий уровень подготовленности к школе, легко заметить, что в целом по выборке половина опрошенных имела средний уровень подготовки, а сопоставимые доли (в каждом случае около четверти выборки) характеризовались высоким и низким уровнем знаний и умений. При этом от поколения к поколению численность респондентов с низким уровнем подготовки снижается, а с высоким – наоборот, повышается (табл. 4). Отметим, что на уровень подготовки к школе влияет не только принадлежность к поколенческой когорте, но и образование родителей: доля хорошо подготовленных дошкольников среди респондентов, у которых хотя бы один из родителей получил высшее образование, в каждом поколении сравнительно высока.

Таблица 4. Интегральный уровень предшкольной подготовки, по поколенческим группам, %

Уровень предшкольной подготовки	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Низкий	27,7	25,0	20,3	23,5
Средний	48,7	47,2	51,1	49,4
Высокий	23,6	27,8	28,6	27,1

В целом выявленные тенденции позволяют сделать вывод, что, с одной стороны, дошкольное обучение становится полноценной ступенью «образовательной лестницы», с другой – в родительском сообществе (прежде всего, среди родителей, имеющих высшее образование) сформировалось мнение о необходимости развития конкурентных преимуществ для ребёнка уже в дошкольном возрасте.

Школьный этап образовательной траектории

Респондентам было предложено оценить качество полученного школьного образования. В целом по выборке большинство

(61,4%) считают его средним, 32,2% – высоким, а 6,4% оценивают его качество как низкое. Интересно, что при этом оценки представителей самого молодого поколения значительно более критичны (доля негативных характеристик достигает 9%, а распространённость положительных составляет 26%); тогда как мнения представителей двух старших групп практически совпадают. Такие данные могут свидетельствовать не только и не столько о снижении качества образования, сколько о возрастающей требовательности к нему.

Важным параметром поколенческой дифференциации образовательных стратегий в школьные годы является посещение дополнительных занятий. Интенсивность дополнительной подготовки учеников младших классов практически не менялась от поколения к поколению: доли не обращавшихся к ним примерно равны, а наполненность групп, посещавших много или один-два их вида, сопоставима. Это означает, что сформирована социальная норма, в соответствии с которой разностороннее развитие в раннем школьном возрасте считается необходимым.

Интенсивность посещения дополнительных занятий школьников пятых-восьмых классов также не претерпела изменений в поколенческом разрезе, но начиная с девятого класса ситуация меняется – виден заметный рост в цифровом поколении, что, по нашему мнению, связано с введением итоговых аттестаций.

Структура дополнительных занятий менялась от поколения к поколению. Во-первых, в двух последних (и, особенно, в цифровом) существенно увеличилась доля дополнительно изучавших иностранные языки; во-вторых, в младшем поколении значительно выросла численность готовившихся к сдаче итоговых экзаменов. При этом доли занимавшихся спортом, музыкой и другими развивающими занятиями во всех поколениях достаточно стабильны (табл. 5).

В отношении платности дополнительных занятий ситуация также менялась с течением времени (табл. 6): начиная с миллениалов доля платных занятий резко возрастает, формируя явный повышающий тренд. Это может свидетельствовать как об увеличении запроса на качественную образовательную подготовку (сопровождаемого готовностью оплачивать этот запрос), так и о сужении номенклатуры бесплатных образовательных услуг

приемлемого качества, с одновременным ростом предложения в платном сегменте.

Таблица 5. Виды посещаемых дополнительных занятий в период школьного обучения, по поколенческим группам, % (допускалось более одного ответа)

Вид посещаемых дополнительных занятий	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Спортивные	57,9	56,6	59,0	58,0
Иностранный язык	18,4	22,9	28,6	24,4
Музыка	27,0	25,3	23,6	25,0
Другие развивающие занятия	38,8	39,2	34,2	36,8
Занятия по школьным предметам	18,2	23,6	33,4	26,7
Занятия для подготовки к ОГЭ (ГИА) / экзаменам после 9-го класса	10,5	18,9	30,4	22,1
Занятия для подготовки к ЕГЭ / вступительным экзаменам в вуз	23,2	32,9	39,0	33,2

Таблица 6. Платность дополнительных занятий в период школьного обучения, по поколенческим группам, % (от посещавших)

Платность посещаемых дополнительных занятий	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Только платные	12,8	20,3	23,6	19,9
Платные и бесплатные	26,1	40,1	45,5	38,9
Только бесплатные	61,1	39,6	30,9	41,2

В этом смысле интересно понять, как менялась интенсивность участия родителей в различных поколениях. Исследование показало, что родители довольно активно участвуют в образовании современных школьников. Наибольшее внимание, как следует из представленных данных, отдаётся младшим школьникам, затем участие родителей снижается, а каждый седьмой из респондентов сообщает, что родители не уделяли внимания их учёбе в школе. С переходом в каждую следующую поколенческую группу участие родителей становится всё больше, достигая максимальных значений в цифровом поколении (табл. 7). В этом же поколении заметно увеличилась доля родителей, которые уделяют внимание учёбе своих детей на протяжении всех школьных лет.

Таблица 7. Участие родителей в школьном образовании респондентов, по поколенческим группам, %

Участие родителей в школьном образовании	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Уделяли много внимания все время	24,9	27,8	34,2	30,0
Уделяли много внимания в младших классах	48,3	47,6	50,6	49,2
Уделяли много внимания в средних и старших классах	6,8	6,3	7,0	6,7
Не уделяли много внимания	20,0	18,3	8,2	14,1

Постшкольная образовательная и профессиональная ориентация

Притом, что абсолютное большинство представителей всех поколенческих групп считают необходимым получение профессионального образования сразу после школы, важно понять, настолько осознанными были их профессиональные ориентации в возрасте окончания среднего общего образования. Оказалось, что лишь каждый третий выпускник к этому моменту сформировал чёткое представление о том, чем он хочет заниматься профессионально, 40% представляли себе это в общих чертах, а каждый четвёртый не представлял вообще. Необходимо отметить, что ситуация во всех поколенческих группах практически идентична.

Опрос помог также выявить поколенческие различия в представлениях о престижности профессий (специальностей) (табл. 8). Наивысший ранг в соответствующем рейтинге во всех представленных поколенческих группах занимают специальности, связанные с экономикой, финансами и менеджментом, хотя в цифровом поколении привлекательность этих профессий несколько снижается. То же относится к юридическим специальностям, занимающим второе место по престижности у всех поколенческих групп: выше всего они котировались среди миллениалов, и менее ценимы наиболее молодыми. Профессии в области психологии, социологии, рекламы для каждого следующего поколения становятся всё более ценными. Престиж занятости в образовании и здравоохранении в двух последних поколениях заметно ниже, чем в реформенном. Занятость в силовых структурах, а также

в сфере государственного и муниципального управления, рассматривается как престижная в самой молодой когорте.

Таблица 8. Представление, сложившееся к моменту окончания школы о наиболее престижных специальностях, по поколенческим группам, % (допускалось более одного ответа)

Специальность	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Экономика, финансы, менеджмент	58,3	70,0	57,4	61,1
Юриспруденция	45,1	63,6	55,2	54,9
Медицина	31,1	26,9	25,4	27,3
Информационно-коммуникационные технологии	19,3	25,2	25,1	23,6
Инженерные специальности	24,3	21,8	23,4	23,2
Сфера услуг, торговля	21,3	17,5	17,2	18,4
Психология, социология, PR, реклама	12,5	18,1	21,1	18,0
Армия, полиция, силовые структуры	16,8	14,0	18,9	17,0
Государственное и муниципальное управление	10,4	14,2	21,3	16,5
Строительство, ремонт	13,4	11,1	10,5	11,4
Образование	14,1	7,5	9,1	10,0
Гуманитарные специальности	7,3	7,3	10,5	8,8
Транспорт, связь	9,3	8,2	7,4	8,1
Музыка, кино, актёрская профессия, режиссура	9,3	6,0	6,9	7,3
Естественно-научные специальности, математика	9,5	5,8	5,2	6,5
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство	7,0	3,9	2,7	4,2

Из данных, представленных в таблице 9, можно заключить, что доля изначально допускавших работу не по специальности не меняется в зависимости от принадлежности к той или иной поколенческой группе.

Таблица 9. Планы работать по профессии / специальности при получении профессионального образования, по поколенческим группам, %

Планы работать по профессии / специальности	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Планировали	64,6	63,4	63,5	63,8
Предполагали возможность	28,4	29,7	30,1	29,5
Не планировали	7,0	6,9	6,4	6,7

При этом респонденты, получившие высшее образование, демонстрируют несколько бóльшую приверженность профессии (табл. 10), и особенно заметно это проявляется в цифровом поколении.

Таблица 10. Планы работать по профессии / специальности при получении профессионального образования, по поколенческим группам, % от получавших высшее образование

Планы работать по профессии / специальности	Цифровое поколение	Миллениалы	Реформенное поколение	В целом
Планировали	67,7	60,0	64,4	64,3
Предполагали возможность	26,0	32,9	27,9	28,8
Не планировали	6,3	7,1	7,7	6,9

Результаты исследования показывают, что при выборе образовательной траектории мнение родителей играет ключевую роль. Это связано как с их авторитетом для детей, так и, что немало важно, с готовностью оплачивать подготовку к сдаче итоговых аттестаций и обучение в вузе или ссузе.

При рассмотрении соответствующего распределения по поколенческим группам (табл. 11) видно, что особенно сильно ориентировались на родительские установки в этом вопросе миллениалы. В более молодом цифровом поколении эта ориентация ослабела – разница в распространённости соответствующего ответа превышает 10 п.п.

Таблица 11. Ориентация на мнение родителей при решении об уровне получаемого образования, по поколенческим группам, %

Ориентация на мнение родителей	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Высокая	49,2	57,6	46,1	50,1
Средняя	40,6	34,9	44,5	40,8
Низкая	10,2	7,5	9,4	9,1

В целом более 3/4 родителей были сторонниками получения детьми высшего образования, но от поколения к поколению ситуация меняется (табл. 12). Так, безусловная ориентация родителей на вузовский диплом наиболее ярко проявлялась в поколении миллениалов, тогда как в реформенном поколении она была меньше и снова начала ослабевать в цифровом. Установка на обучение

детей в вузе с наибольшей настоятельностью проявлялась в семьях, где хотя бы один из взрослых имел высшее образование.

Таблица 12. Мнение родителей о необходимости получения высшего образования, по поколенческим группам, %

Мнение родителей о необходимости получения высшего образования	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Настаивали на получении	34,2	45,7	40,0	40,1
Рекомендовали получить	40,6	36,4	37,3	37,9
Не препятствовали получению	20,9	13,4	17,9	17,4
Настаивали на не получении	4,3	4,5	4,8	4,6

Ориентация на получение профессионального образования сразу после окончания школы остаётся социальной нормой. Распространённая за рубежом тенденция, в соответствии с которой лучшей практикой считается один-два года поработать, посмотреть мир, профессионально сориентироваться, а лишь затем продолжать обучение, пока не находит распространения в нашей стране. Лишь в цифровом поколении можно усмотреть начало отхода от сложившейся нормы, но пока рано говорить об этом как об устойчивом тренде.

Что касается реализованных стратегий подготовки к поступлению в высшие учебные заведения, то на первом месте – активная самостоятельная подготовка (78%), на втором – подготовительные курсы (54%), на третьем – занятия с репетиторами (30%). Такое соотношение достаточно стабильно и почти не меняется в различных поколениях.

Рассмотрим, как респонденты различных поколений оценивают использование социальных связей при поступлении. Судя по ответам, наиболее активно их актуализировали миллениалы (17%), а в цифровом поколении этот ресурс задействован заметно реже – лишь в каждом десятом случае, что, возможно, связано с введением ЕГЭ.

В ходе исследования выявлено, как менялись мотивы профессионального выбора от поколения к поколению (табл. 13). Можно заметить, что, во-первых, советы родителей имели наибольшее значение для миллениалов, тогда как в цифровом поколении их значение ослабевает; во-вторых, среди «цифровиков» меньшую роль играл интерес к профессии, зато прагматические ориентации были более значимыми.

Таблица 13. Основания профессионального выбора, по поколенческим группам, %

Основание профессионального выбора	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Советы родителей	17,6	23,6	20,8	20,7
Интерес	45,4	45,3	41,9	43,9
Лёгкость поступления и обучения	13,7	12,1	15,3	14,0
Возможность найти хорошую работу	20,1	14,7	17,8	17,5
Мода, популярность	3,2	4,3	4,2	3,9

Остановимся на оценке качества профессионального образования, которую дают представители различных поколенческих групп. В целом по выборке оценки вполне позитивны: 43% считают, что получили профессиональное образование высокого качества, и лишь единицы полагают, что качество было низким. При этом нужно отметить, что оценки качества профессионального образования снижаются от поколения к поколению (табл. 14).

Таблица 14. Субъективная оценка качества полученного профессионального образования, по поколенческим группам, %

Оценка качества	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Высокое	51,0	45,9	36,0	42,7
Среднее	46,3	50,0	60,6	53,9
Низкое	2,7	4,1	3,4	3,4

Однако если сопоставить оценки обладателей вузовских дипломов и специалистов со средним профессиональным образованием, выясняется, что наиболее критично воспринимается качество среднего профессионального образования. Так, в цифровом поколении численность оценивших качество профессионального образования как высокое составляет 47% – среди получивших высшее образование и около 29% – среди получивших среднее профессиональное.

Данные по выборке в целом показывают, что около 60% респондентов во время получения профессионального образования работали. Распределение по поколенческим группам (табл. 15) иллюстрирует, что эта стратегия получала все большее распространение от поколения к поколению. При этом во всех поколениях постоянная работа несколько уступает временной занятости.

Таблица 15. Наличие работы в период получения профессионального образования, по поколенческим группам, %

Наличие работы	Реформенное поколение	Миллениалы	Цифровое поколение	В целом
Постоянная работа	19,6	23,1	21,0	21,2
Подработки	31,7	37,7	42,0	38,1
Не имели	48,7	39,2	37,0	40,7

Некоторые выводы

Проведённое исследование, включающее развитие поколенческой теории в отношении выделения российских поколений на основе характеристик социально-экономического и технологического контекста, а также выявление поколенческих различий образовательного поведения, привело к ряду выводов.

Внимание к дошкольной подготовке, которая выступает базисом образовательной траектории, во всех рассматриваемых поколениях достаточно велико. Посещение детских дошкольных организаций является социальной нормой. Настоятельность обращения к дошкольному образованию при этом увеличивается, а уровень дошкольной подготовки от поколения к поколению значимо растёт.

Изменился также объём участия родителей на всем протяжении образовательной траектории. Мнение родителей играет ключевую роль относительно желательного уровня образования. В обществе сложилось массовое представление о важности начальных стадий в формировании образовательных траекторий для всей дальнейшей жизни, и ресурсы родительской семьи на всех этапах обучения приобретают всё большее значение в процессе создания конкурентных преимуществ, необходимых для выстраивания успешной карьеры. Закрепление роли образования не только в качестве общественного блага, но и в качестве прагматической ценности объясняет расширение участия школьников в дополнительном образовании.

Меняются взгляды на престижность специальностей. Среди представителей самого молодого – цифрового – поколения меньшая доля рассматривает в качестве самых престижных профессий экономические и, в то же время, заметно повышение рангов государственного управления и силовых структур.

Литература

- Аврамова Е. М.* Молодёжь в социально-экономической и этической системе координат // *Общественные науки и современность*. 2017. № 1. С. 86–98.
- Аврамова Е. М., Логинов Д. М.* Роль школьного образования в развитии человеческого капитала // *Экономика региона*. 2014. № 2(38). С. 53–62.
- Баранов А. О., Слепенкова Ю. М.* Методологические проблемы анализа воспроизводства человеческого капитала в России // *ЭКО*. 2018. № 48(2). С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-5-17>
- Горшков М. К., Ключарев Г. А.* Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. 232 с.
- Константиновский Д. Л.* Динамика неравенства. Российская молодёжь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС, 1999. 344 с.
- Константиновский Д. Л.* Молодёжь 90-х: самоопределение в новой реальности. М.: ЦСО РАО, 2000. 222 с.
- Константиновский Д. Л., Вахитайн В. С., Куракин Д. Ю.* Кросс-региональный анализ развития непрерывного образования: результаты исследования // *Вопросы образования*. 2007. № 2. С. 293–312.
- Константиновский Д. Л., Попова Е. С.* Молодёжь в сфере образования: ожидания и мотивация // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15*. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 154–174.
- Константиновский Д. Л., Попова Е. С.* Отношение молодёжи к образованию в современной России // *Общественные науки и современность*. 2016. № 1. С. 5–19.
- Мангейм К.* Проблема поколений // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
- Плискевич Н. М.* Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН, 2012. 231 с.
- Радаев В. В.* Прощай, советский простой человек! // *Общественные науки и современность*. 2018. № 3. С. 51–65. DOI: 10.7868/S0869049918030048
- Рощина Я. М.* Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // *Вопросы образования*. 2012. № 1. С. 257–277. Doi: 10.17323/1814-9545-2012-1-257-277
- Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Голов А. А., Гражданкин А. И., Гудков Л. Д. и др.; под ред. Левады Ю. А..* М.: Мир, Океан, 1993. 300 с.
- Чередниченко Г. А.* Российская молодёжь в системе образования: от уровня к уровню // *Вопросы образования*. 2017. № 3. С. 152–182.
- Шереги Ф. Э.* Российская молодёжь: настроения ожидания ценностные ориентации. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 93 с.
- Шыров А. А., Потаненко В. В.* Рынок труда и качество человеческого капитала. // *ЭКО*. 2018. № 48(2). С. 18–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-18-34>
- Шубкин В. Н.* Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979. 224 с.
- Шубкин В. Н.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970. 288 с.
- Шувалова О. Р.* Международные индикаторы участия населения в непрерывном образовании // *Вопросы образования*. 2010. № 2. С. 178–186.

Becker G.S. (1964). Human Capital. New York: Columbia University Press – 187 p.

Laal M. (2012). Benefits of Lifelong Learning // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 46. Pp. 4268–4272.

Lassnigg L. (2005). Lifelong learning, school to work and labour market transitions. Position paper workpackage 4. TLM.NET 2005 Working Paper No. 2005–06. Amsterdam: SISWO/Social Policy Research – 38 p.

Strauss W., Howe N. (2009). *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. Crown. 400 p.

Статья поступила 02.09.2020.

Статья принята к публикации 08.12.2020

Для цитирования: *Логинов Д.М.* Образовательные траектории трёх российских поколений: от дошкольной подготовки к профессиональному образованию // *ЭКО*. 2021. № 5. С. 137–154. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-5-137-154

Summary

Loginov, D.M., Cand. Sci. (Econ), Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration, Moscow

The Educational Trajectories of Three Russian Generations: from Pre-school Preparation to Vocational Education

Abstract. The paper reviews the educational strategies of Russian generations. Three post-Soviet generation groups (“the reform generation”, “the Millennials” and “the digital generation”) are highlighted. They have several similar features forming the social norms of Russian society, but they also differ to allow a comparative analysis of implemented educational trajectories. The study covers the cycle starting from pre-school preparation to obtaining the first vocation education. It has been revealed that Russian generations demonstrate a steady trend towards maximizing the educational potential right from the pre-school stage. It is shown that representatives of the youngest generation and their parents go through the school stage with a high level of involvement in the creation of knowledge and skills, that may be practically applied when they pass on to the next level of education. However, social ties, which are significant for a successful transition, gradually lose their importance. The obtained data allow us to assume that there is a tendency for secondary vocational education to become a part of successful educational strategies. Addressing the intergenerational differences in professionalization indicates a “fresh approach” of the youngest generation to successful employment, which is associated with the sphere of state administration and enforcement structures to a considerably higher degree. The analysis is based on sociological survey data from 1600 representatives of highlighted generations, conducted by the Center of Economics of continuing education of RANEPА in 2019. The paper is prepared within the framework of the state task implementation of RANEPА.

Keywords: *educational trajectories; continuous education; generations; the youth; levels of education; pre-school education; public education; vocational education; career*

References

- Avraamova, E.M. (2017). Youth in the socio-economic and ethical coordinate system. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'. Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. Pp. 86–98. (In Russ.).
- Avraamova, E.M., Loginov, D.M. (2014). The role of school education in the development of human capital. *Ekonomika regiona. Economy of region*. No. 2(38). Pp. 53–62. (In Russ.).
- Baranov, A.O., Slepikova, Yu.M. (2018) Methodological Problems of Analysis of the Reproduction of Human Capital in Russia. *ECO*. No. 48(2). Pp. 5–17. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-5-17>
- Becker, G.S. (1964). *Human Capital*. New York: Columbia University Press. 187 p.
- Cherednichenko, G.A. (2017). Russian youth in the education system: from level to level. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies*. No. 3. Pp. 152–182. (In Russ.).
- Golov, A.A., Grazhdankin, A.I., Gudkov, L.D. ets. (1993). *Soviet simple man: Experience of a social portrait at the turn of the 90's*. Levada Yu.A. (ed.) Moscow: Mir, Okean Publ. 300 p. (In Russ.).
- Gorshkov, M.K., Klucharev, G.A. (2011). Moscow: IS RAN, FGNU CSI. 232 p. (In Russ.).
- Konstantinovskij, D.L., Popova, E.S. (2017). Youth in education: expectations and motivation. In: *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: Vol. 15*. Moscow: Novyj Hronograf Publ. Pp. 154–174. (In Russ.).
- Konstantinovskiy, D.L. (1999). *Dynamics of inequality. Russian youth in a changing society: orientations and paths in education (from the 1960s to the 2000s)*. Moscow: Editorial URSS. 344 p. (In Russ.).
- Konstantinovskiy, D.L. (2000). *Youth of the 90s: self-determination in a new reality*. Moscow: CSO RAO. 222 p. (In Russ.).
- Konstantinovskiy, D.L., Popova, E.S. (2016). The attitude of youth to education in modern Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'. Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. Pp. 5–19. (In Russ.).
- Konstantinovskiy, D.L., Vahshtajn, V.S., Kurakin, D. Yu. (2007). Cross-regional analysis of the development of continuing education: research results. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies*. No. 2. Pp. 293–312. (In Russ.).
- Laal, M. (2012). Benefits of Lifelong Learning. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 46. Pp. 4268–4272.
- Lassnigg, L. (2005). *Lifelong learning, school to work and labour market transitions*. Position paper workpackage 4. TLM.NET Working Paper No. 2005–06. Amsterdam: SISWO/Social Policy Research. 38 p.
- Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (30). Pp. 7–47. (In Russ.).
- Pliskevich, N.M. (2012). *Human capital in transforming Russia*. Moscow: Institut ekonomiki RAN. 231 p. (In Russ.).
- Radaev, V.V. (2018). Farewell to the Soviet common man! *Obshchestvennye nauki i sovremennost'. Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. Pp. 51–65. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0869049918030048

Roshchina, Ya.M. (2012). Family capital as a factor of educational opportunities of Russian schoolchildren. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies*. No. 1. Pp. 257–277. (In Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2012-1-257-277

Sheregi, F.E. (2013). *Russian youth: moods, expectations and value orientations*. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga. 93 p. (In Russ.).

Shirov, A.A., Potapenko, V.V. (2018). The Labor Market and the Quality of Human Capital. *ECO*. No. 48(2). Pp. 18–34. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-2-18-34>

Shubkin, V.N. (1970). *Sociological experiments*. Moscow: Mysl'. 288 p. (In Russ.).

Shubkin, V.N. (1979). *The beginning of the path*. Moscow: Molodaya gvardiya. 224 p. (In Russ.).

Shuvalova, O.R. (2010). International indicators of population participation in continuing education. *Voprosy obrazovaniya. Educational Studies*. No. 2. Pp. 178–186. (In Russ.).

Strauss, W., Howe, N. (2009). *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. Crown. 400 p.

For citation: Loginov, D.M. (2021). The Educational Trajectories of Three Russian Generations: from Pre-school Preparation to Vocational Education. *ECO*. No. 5. Pp. 137–154. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-5-137-154